

Ирина Васильчикова,
Александр Щуплов

АМИЛИЯ вам больше помогала в жизни или мешала?

— В юности обычно возникал интерес и улыбки: мол, что он, сынок, умеет? Улыбки иногда были донельзя приторные, ведь у отца врагов в конце жизни было больше, чем друзей. Потом интерес сменился прохладным отношением, которое впоследствии перешло во враждебное. Сейчас все выровнялось. Все вышесказанное относится к миру музыки и людям, причастным к ней. Широкий круг публики волнуют иные вопросы.

Сейчас я вроде бы стал фигурой умолчания. Если сделаю что-нибудь «громкое» — напишут, заметят, что-нибудь скажут. Не сделаю — меня вроде бы и нет!

Впрочем, иногда случались курьезы. Например, приходили письма из других городов с просьбой посодействовать в приобретении нот «вашего замечательного «Лунного вальса». Или, помнится, еще в семидесятых я был в Польше, выступал на фестивале в Зеленой Гуре — пел свои песни, в том числе и «Пора-пора-порадуемся...» из «Трех мушкетеров». Вдруг весь зал встал, начал размахивать руками и петь вместе со мной. Оказалось, незадолго до моего приезда в Польшу прошел этот фильм, и песня стала популярной. После концерта ко мне подошли журналисты, брали интервью. Один с восторгом говорит: «Как хорошо, что вы включили в свой репертуар песни Исаака Дунаевского!»

— О вашем отце и его характере написано немало. Не знаешь, чему и верить. Каким он был на самом деле?

— К сожалению, не могу быть третьей стороной в этом споре. Мне было десять лет, когда папа умер. Конечно, что-то в памяти осталось. Многие я знаю со слов мамы, а также по рассказам его друзей, которые пережили его на десятилетия (отец умер рано!) и которых сейчас, к сожалению, почти никого не осталось в живых. Что я помню об отце? Он был очень жизнерадостным человеком, необычайно кипучей энергии. Не терпел рядом с собой никакой пассивности. Если я, ребенок, у него на глазах бездельничал, он мог возмутиться. Он считал, что надо все время приносить пользу себе и другим.

— Недавно вышла книга о вашем отце. Вы ее читали?

— Ужасная книга! Если бы она претендовала не на документальное исследование, а на художественное повествование, автора можно было бы понять. Изложенные в ней факты совершенно бездоказательны.

— Не хотели бы вы написать о том, как все было на самом деле?

— Я не могу выступать в данной ситуации как свидетель. И если бы я взялся за такую книгу, я посвятил бы спорам подобного рода всего одну главу. А во-вторых, я далеко еще не в том возрасте, чтобы писать мемуары.

— Тем не менее вы уже давно стали самостоятельной величиной в музыкальном мире. Кстати, если говорить о вашей профессии, вы ее выбрали или она вас?

— У меня не было никаких возможностей, как у моего сына, — выбирать, где учиться: в Индии, Швейцарии или Лос-Анджелесе. Конечно, у меня было хорошее детство, но отец совершенно не настаивал, чтобы я стал музыкан-

Максим Дунаевский.

этих разговоров можно сказать одно: он умел любить! Кстати, именно эти черты его характера, о которых я говорил выше, проявились в его музыке. Увы, последние годы его жизни (и это огушали многие) были окутаны мрачной атмосферой...

— Может быть, это было связано с общественной атмосферой: ведь в 1952 году по «делу врачей» был арестован его двоюродный брат — профессор-уролог Лев Дунаевский, самого композитора вызывали в МГБ и опасность ареста была слишком реальной?

— Не знаю, с чем это было связано. Ведь следующие поколения композиторов, живших при советской власти, — Марк Фрадкин, Никита Богословский, Александра Пахмутова, — были почитаемы, признаны «живыми классиками». У них были звания, общественное признание, к ним благосклонно относились пресса. А вот почему с позволения государства Дунаевского в конце жизни «прижали», не могу понять и осмыслить. Его, певца советской власти, выбрали тем, кого надо было похоронить.

— Недавно вышла книга о вашем отце. Вы ее читали?

— Ужасная книга! Если бы она претендовала не на документальное исследование, а на художественное повествование, автора можно было бы понять. Изложенные в ней факты совершенно бездоказательны.

— Не хотели бы вы написать о том, как все было на самом деле?

— Я не могу выступать в данной ситуации как свидетель. И если бы я взялся за такую книгу, я посвятил бы спорам подобного рода всего одну главу. А во-вторых, я далеко еще не в том возрасте, чтобы писать мемуары.

— Тем не менее вы уже давно стали самостоятельной величиной в музыкальном мире. Кстати, если говорить о вашей профессии, вы ее выбрали или она вас?

— У меня не было никаких возможностей, как у моего сына, — выбирать, где учиться: в Индии, Швейцарии или Лос-Анджелесе. Конечно, у меня было хорошее детство, но отец совершенно не настаивал, чтобы я стал музыкан-

«Я НЕ ТОРГую ПЕСНЯМИ!»

Ирина Васильчикова, Александр Щуплов. - 2006. - 27 с. ил. - с. 11

Хотя композитор Максим Дунаевский признает за музыкой право быть бизнесом

том. Это произошло уже после его смерти...

— У вас есть брат Евгений. Как сложилось его жизнь?

— Мой брат — художник. Занимается этим всю жизнь. Работает. Жизнь его проходит спокойно, без каких-либо всплесков, эксцессов, без славы, но и без особых падений.

— Вы производите впечатление спокойного и уравновешенного человека. Что вас может вывести из себя?

— Я не уравновешенный и не спокойный — я воспитанный. Это разные вещи. Вывести из себя меня может все что угодно. Могу, посмотрев теленовости, ходить и вырывать последние волосы. Могу прочитать в газете статью, которая меня глубоко заденет. Это я унаследовал от отца: его в последние годы жизни просто убивали статьи и фельетоны в газетах. Конечно, у меня выработался иммунитет. Кроме того, сегодня газеты не имеют того веса, который они имели при советской власти и который они сейчас имеют во всем мире. Например, в Нью-Йорке артисты перед гастролями очень боятся отрицательной рецензии. Журналистов пытаются умяснить, но те денег не берут: репутация дороже! Потому и пишут что хотят! И народ им верит. У нас, к великому сожалению, этого нет. Непонятно, для чего выходят в прессе все эти резкие статьи. На них никто не обращает внимания — начиная с попсы и заканчивая государственным мужами... Так что, за исключением личных отношений с людьми, меня вряд ли что-нибудь может вывести из себя.

— Многие драматические актеры и представители разговорного жанра в наши дни запели. С чем это, на ваш взгляд, связано?

— Петь в России любили всегда. Особенно с большим удовольствием поют за столом...

— А также на демонстрациях, в подворотнях, КПЗ... Герой романа Олеши пел по утрам в туалете...

— Думаю, большинству актеров (не буду называть их по именам и комментировать их упражнения!) лучше все-таки было бы петь именно за столом. Пение требует профессионализма. Пению надо учиться. Для этого мало быть популярным. Сейчас же поют все кому не лень. Могу сформулировать и по-другому: все, у кого есть деньги!.. Другое

дело, что с последним эфиром исчезает любое упоминание «певца», в памяти стираются его имя и внешность.

Что касается драматических артистов, назову несколько имен тех, кто поет на должном уровне: Николай Караченцов, Михаил Боярский, Людмила Гурченко, Ирина Муравьева... Они имеют право петь, потому что у них голоса, которые не спутаешь.

— Сейчас запели не только драматические артисты, но и политики (Жириновский, Бабурин), танцоры (Моисеев), авторы песенных текстов (Резник, Шаганов, Осиашивили), бизнесмены (Жечков)... А также — композиторы! У вас не было желания записать сольный альбом?

— Нет! Зачем мне лезть в чужой огород? Я что, сумасшедший, что ли? Пусть лучше это делают мои друзья, у которых с пением дело обстоит гораздо лучше!

— С кем из исполнителей вы сотрудничаете постоянно?

— С Николаем Караченцовым я сделал новый альбом, несколько лет назад — с Татьяной Булановой. Сотрудничал с Игорем Надькиным. В Лос-Анджелесе сделал альбом для молодой певицы Нины Шашкой, которую считаю очень перспективной. В последнем случае я выступал в качестве продюсера и вложил в проект свои сбережения. Также в последние годы работал над двумя голливудскими фильмами... «Одиночных» заказов не принимаю. Я не торгую песнями — не могу звонить певцам и предлагать товар. Не потому, что я такой чистюля, который не считает музыку бизнесом. Бизнес! Я живу музыкой и получаю за это деньги.

— Кстати, многие современные молодые музыканты обращаются к вам за старыми песнями для ремиксов. А на ваши новые песни есть у них спрос?

— Старые песни у меня берут, потому что я даю их бесплатно. Видимо, думают, что если обратятся за новым материалом для ремиксов, то я потребую за него деньги. Не всегда и не со всех! Хотя, конечно, я требую оплату за свой труд, ведь жить-то надо.

— Почему-то публике вы более известны как автор «киношных» и «театральных» песен...

— Потому что я музыкант-драматург. Песня, написанная вне фильма

Максим Дунаевский (четвертый слева) со своими соавторами по мюзиклу «Американец в перестройке» Майклом Оуэном, Харитоном Витебским, Игорем Радовым и Томми Браззином. Фото ИТАР-ТАСС

или спектакля, кажется мне глуповатой. А вот внутри фильма или единой пластинки из 10–12 вещей — совсем другое дело! Я знаю, что в этом случае я могу написать как минимум два хита, а остальное будет достаточно высокого качества. В этом смысле мы с отцом похожи.

— Ваши дети продолжают семейную музыкальную традицию?

— Дочь со своей мамой живет в Париже. Она оказалась артистически очень одаренной. Наверное, это гены, ведь ничего специально для этого не делалось. Ужасно, когда детей заставляют чем-нибудь насильно заниматься. Моя дочь занималась балетом, но выросла очень высокой девочкой. Наверное, балет придется оставить. Кроме того, на парижском конкурсе артистов-чтецов она получила первую премию и теперь пойдет в артистическую школу.

Моему сыну 17 лет. Он живет в Лос-Анджелесе и Швейцарии, потому что моя бывшая жена Наташа Андрейченко вышла замуж за голливудскую кинозвезду Максимилиана Шелла. Особого желания стать музы-

кантом сын никогда не испытывал. Он занимался музыкой для общего развития, как все дети. Я его не заставлял, Наташа тоже. Правда, Максимилиан Шелл очень упорствовал: он считает, что любой культурный человек должен хорошо играть на фортепьяно, знать музыку... Сын протестовал. У нас с Максимилианом был длинный разговор по этому поводу, и я настоял на том, чтобы не заставлять ребенка делать то, чего он не хочет... Прошло несколько лет, и вдруг в 14-летнем возрасте мой сын бросает актерскую школу и — к моему великому сожалению! — спорт и становится... композитором. Учится играть сразу на нескольких инструментах, пишет музыку, стихи. Делает первые два диска. У них создана команда из замечательных 15–16-летних ребят. С ними поет какая-то совершенно чудодейственная певица. Причем сын пишет не поп-музыку, а серьезную авангардную музыку. Сам он ее называет «альтернативной», но мне она кажется просто очень своеобразной. Теперь он больше ни о чем, кроме творчества, не хочет слышать, пре-

вратился в замкнутого длинноволосого художника. Собирается серьезно изучать музыкальные истоки и начать с Востока — ехать в Индию... Такое возможно только в Америке.

— Как вы оцениваете себя в роли отца?

— Я не строгий и не мягкий. Я — серьезный. С детьми обращаюсь так же, как и со взрослыми.

— Вы легко находите с детьми общий язык?

— У меня сейчас дети как раз в очень трудном возрасте, который считается тяжелым для общения. В эти годы ребенок замкнут, ничего не хочет о себе рассказывать, отвечает односложно: да, нет, спасибо. «Почему ты не хочешь со мной поговорить?» — «У меня сегодня нет настроения, папа!» И все.

— Вы бы хотели вернуться в свое детство?

— Я уже над этим задумывался. Чего-то жалко. Кое-что упущено. Но совсем не в детстве. Я, например, очень не любил общеобразовательную школу, несмотря на то что там были замечательные учителя. С некоторыми из них — с теми, кто, разумеется, остался жив, — я до сих пор поддерживаю отношения. Тем не менее школа меня подавляла. Я был вынужден каждый день высидеть уроки по 45 минут, делать домашнее задание... Это меня убивало. До сих пор не люблю все «коллективное», то, что подавляет. Наверное, я индивидуалист по натуре, хотя работать люблю командой...

Так что в школьные годы я не хотел бы возвращаться. А вот после школы, наверное, кое-что в своей жизни переделал бы. Но не основательно! ■

ИЗ ДОСЬЕ «НГ»

Максим Исаакович Дунаевский родился в 1945 году. Его отец — знаменитый советский композитор Исаак Дунаевский, автор песни «Широка страна моя родная», музыки и песен к кинофильмам «Цирк», «Веселые ребята», «Кубанские казаки»... В 40-х годах Исаак Дунаевский любил в 19-летнюю танцовщицу ансамбля имени Александрова Зою Пашкову, которую увидел на концерте. За кулисы он послал записку с объяснением в любви с первого взгляда. Девушка ответила взаимностью. Затем она стала танцевать в ружоводимом Дунаевским ансамбле железнодорожников. В гражданском браке у влюбленных появился ребенок, которого назвали Максимом. По окончании московской школы он поступил в консерваторию. В 1978 году написал музыку к трехсерийному фильму «Д'Артаньян и три мушкетера», а также телефильму «Мэри Поппинс, до свидания», автор многочисленных шлягеров. В настоящее время холост. Имеет двоих детей.